

НОЧЬ В
АННУНЕ

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ОКОЛОСМЕРТНЫХ
ПЕРЕЖИВАНИЙ СТАРОГО ВИЛЛИ ДЖОНСА

О Ч Э Н Д Ж О Н С

НОЧЬ В АННУНЕ

*Странная история околосмертных переживаний старого Вилли
Джонса*

Автор:

Оуэн Джонс

Переводчик:
Павел Козлов

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ

Авторское право © 2015-2023 год: Оуэн Джонс, автор
Издатель: Megan Publishing Services
<http://meganthemisconception.com>

∞ ∞ ∞

Все права защищены.

Примечания к разрешению на использование

Настоящая электронная книга предназначена только для личного пользования. Настоящая электронная книга не подлежит перепродаже или передаче другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другими, приобретите дополнительный экземпляр для каждого

читателя. Если вы читаете эту книгу, но не купили ее, или если книга куплена не для личного пользования, купите собственный экземпляр.
Спасибо за уважение к труду автора.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ
<http://facebook.com/angunjones>
<http://twitter.com/lekwiliams>
owen@tigerlilyofbangkok.com
<http://owencerijones.com>

Подпишитесь на нашу рассылку для получения новой информации
о книгах и творчестве Оуэна Джонса,
указав свой адрес электронной почты по ссылке:

∞ ∞ ∞

<http://meganthemisconception.com>

Оглавление

НОЧЬ В АННУНЕ	
1 ВИЛЛИ ДЖОНС	
2 ПРОГУЛКА ВИЛЛИ	
3 САРА	
4 АННУН	
5 ШКОЛА ПОЗНАНИЯ	
6 ЭКСКУРСИЯ	
7 ВТОРОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ	
8 ДОМ В БРИН-ТЕГЕ	
9 НОВЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ	
10 КРУГ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ	
11 ДУХОВНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ	
12 ТРУБА ЗОВЕТ	
13 ГОРН ПРОПЕЛ	
14 ГАЛОП ДЛЯ ПОЧТОВОГО РОЖКА	
ГЛОССАРИЙ	
— Конец —	
ОБ АВТОРЕ	

1 ВИЛЛИ ДЖОНС

«Папа, ты уже встал?», — крикнула с порога Бекки в глубину небольшого обшарпанного, погруженного в темноту дома и с грохотом захлопнула за собой входную дверь на случай, если тот еще не проснулся. И тут же пожалела, что не оставила ее открытой. Вонь стояла невыносимая.

«Папа, это я, Бекки! Давай-ка вставай уже!».

Она раздвинула шторы на окне гостиной, которая было довольно большой для старого валлийского сельского дома, и в то же время маленькой по современным меркам. Бекки распахнула их на всю ширину окна и закрепила старомодными шнурками, а потом пошла на кухню в задней части дома.

И сразу стало понятно, откуда взялась такая вонища. Кидди, старая черная валлийская овчарка, смущенно жалась у задней двери.

«Ладно тебе, старушка, ты не виновата. Ему давно пора было выпустить тебя».

Бекки открыла заднюю дверь и невзначай разнесла собачье дерьмо по всему полу.

«Вот черт!», — в сердцах выругалась она, когда от уже подсохшей и только что растоптанной кучи дерьма поднялась новая, еще более удушливая волна смрада.

Едва дверь приоткрылась достаточно широко, счастливая Кидди выскочила в сад; ей не терпелось поскорее удрать от причины своего стыда.

Бекки достала из-под раковины ведро и вонючую тряпку для пола, но ей пришлось вывалить всю посуду на столешницу, чтобы налить воду в ведро в раковине и вымыть пол. За неимением горячей воды и фирменных чистящих средств пришлось воспользоваться холодной водой и мыльным порошком

Резиновых перчаток тоже не нашлось, так что убирать за собакой пришлось голыми руками.

«Черт, черт, черт и еще раз черт!, — чертыхалась она себе под нос. — Этот дом — одна большая помойка!».

Бекки терла коричневую полосу длиной в два фута, и ее шлепанцы постоянно прилипали к полу.

«Надо всю кухню вымыть кипятком», — решила она.

Оставшись довольна результатом своих трудов, Бекки пошла в туалет в саду и вылила воду. Потом она там же в саду вымыла под краном руки и ведро; налила в ведро отбеливатель для унитаза, снова налила в него воды и бросила туда тряпку для пола, чтобы она отмокла и может даже стала чистой.

Она снова пошла на кухню, заткнула раковину, открыла единственный кран, распахнула окно и положила посуду в воду, чтобы она тоже отмокла. Видно было, что с последнего приезда Бекки на кухне пользовались только сковородой, и все же вся посуда была грязной, как и куча чашек и стаканов для виски и пива.

Бекки знала, что все это значит. Яичница с беконом и чай утром, в полдень или пополудни; яичница с беконом и пиво вечером и немного виски на ночь. Разве можно так жить — Бекки начинала злиться на отца, и ей было жаль бедного старого пса, которому приходится жить в таком свинарнике, хотя отца, похоже, не смущали ни вонь, ни разруха.

Бекки мыла посуду и смотрела на низкий горный хребет в нескольких милях от того, что теперь только с натяжкой можно было назвать садом. А когда-то, когда она еще жила дома, в нем было так хорошо. Она всегда любила горы; впрочем, как и ее мать. Мать Бекки по два-три раза на день мыла посуду, стоя у этого окна, и сорок два года глядя на эти горы.

Бекки с отцом нравилось думать, что теперь, покинув их, она может сколько угодно любоваться горами и бродить по ним. Мать умерла от рака шейки матки пять лет тому назад. Это было как гром среди ясного неба, потому что она никогда не ходила по врачам. Через три месяца после диагноза она умерла; Бекки с отцом пребывали в полном шоке.

Теперь-то Бекки много чего знала об этой болезни, сама сдавала анализы и подозревала, что ее трудолюбивая, стоическая мать знала о своем недуге, но не хотела становиться обузой. А может решила, что лучше умереть и наконец избавиться от тяжелого труда на маленькой, отрезанной от мира, затерявшейся в горах ферме.

«Я и сам собирался все помыть, когда спущусь!».

«Ой! Ты меня напугал! Не подкрадывайся ко мне сзади. Я уже сто раз говорила тебе об этом, папа».

«Умеешь ты поприветствовать своего старого па. Да я и не крался, а если бы даже и так, то кто мне запретит в моем собственном доме».

«Как ты сегодня, па?».

Иногда она переходила на старое просторечие и называла его «па», а иногда они даже разговаривали по-валлийски, но не так часто с тех пор, как Бекки вернулась из садоводческого колледжа, а ее мать умерла.

«Все нормально. Я просто так устаю, что не вижу смысла рано вставать, когда холодно. Лучше поваляться в постели, пока воздух не прогреется на солнце. Чай есть? Во рту все пересохло. Как будто я пахал весь день».

«Нельзя обойтись без этих подробностей? У меня же не десять рук! Пришлось убирать за бедняжкой Кидди, потому что ты слишком «устал», чтобы выпустить ее на улицу, а здесь была такая помойка, в которой нормальный человек есть не станет.

И тебе надо лучше следить за собой, — сказала она, повернувшись и оглядев отца с ног до головы. — «Совсем запущенный вид».

Уильям Джонс стоял перед ней в пижамных штанах и босиком. Седина на полголовы клочками торчала во все стороны, лицо было заспанное. Легкий запах перегара подтвердил, что она была права насчет виски на ночь — с числом стаканчиков до полного комплекта.

«Почисти зубы и умойся, тогда проснешься».

«Мне не нужны твои лекции по личной гигиене, премного благодарен. У меня свой распорядок уже шестьдесят лет, и он меня вполне устраивает. И я не собираюсь ничего менять, ни для тебя, ни для кого-либо другого. Твоя дорогая старушка-мать никогда на это не жаловалась, и ее правила меня вполне устраивают.

«Ну а если тебе нужны все подробности, я как раз шел в туалет. Так что извини...».

И он ушел. Он всегда мылся под краном в саду, если только земля не была покрыта снегом или льдом, а душ или ванну принимал по-прежнему раз в неделю по особым случаям.

Бекки вытерла руки кухонным полотенцем, налила воды в чайник, зажгла газ и поставила чайник на огонь, бросила в заварник три пакетика чая, предварительно убедившись, что он пустой, и вернулась к тарелкам.

«Иди оденься, па, — сказала она отцу, когда он вернулся и потянулся за полотенцем, висящим на крючке за задней дверью. — Я приготовлю тосты, и как раз чай заварится. Иди скорей и не тяни время».

Она подогрела заварник, положила в него пакетики чая и залила их кипятком, потом вытащила пробку из раковины и включила гриль. Как и всегда, еду она привезла с собой, потому что Уильям редко добирался до магазинов, а то, что творилось внутри его холодильника, было ниже всяких приличий. Бекки придется потом заняться и холодильником, но сначала надо позавтракать.

Пока гриль разогревался, она вспомнила о собаке и положила привезенные из дома объедки в миску. В холодильнике наверняка найдется наполовину открытая, наполовину использованная, засохшая банка собачьего корма, но это на потом — Кидди заслуживает угощения, когда оно ей перепадает.

Пока отец спускался по лестнице, Бекки вытряхнула скатерть перед входной дверью, заменила ее на новую и накрыла стол к завтраку.

«Ну вот, совсем другое дело, можешь же хорошо выглядеть, когда захочешь, па».

«Да никто меня здесь не видит, так что какая разница. Ты не добавила пива в плавленый сыр».

«Нет, ты и так пьешь достаточно пива в течение дня, так что на завтрак обойдешься без него».

«Пиво в сыре — это не то же самое, что просто пить пиво, это же традиция. Гренок по-валлийски, вот что это такое. Многовековой валлийский обычай, а тебе нравится плавленый сыр по-английски, без пива».

«В один прекрасный день тебя вдруг посетит чувство благодарности, и я буду в таком шоке от этого, что рухну замертво и отправлюсь к маме в горы. Родители жалуются, что дети неблагодарные, но старики, ну или ты во всяком случае, гораздо хуже».

«Прости, Бекки, — сказал Вилли, глядя на дочь. — Я ценю все, что ты для меня делаешь, правда ценю... Просто старики становятся звнудами. Моя мама, упокой господь ее душу, всегда подливала пиво в расплавленный сыр для моего старого отца, и твоя мама всегда делала для меня то же самое. Когда шестьдесят лет ешь тосты с сыром на пиве, трудно менять свои привычки. Ты же понимаешь, правда?».

«Да, па, а теперь, заткнись, пожалуйста, насчет этого чертова пива!».

«Нууу! Следи за языком, Бекки! Твоя мать не потерпела бы сквернословия в доме, и я не потерплю в память о ней! Это еще одна дурная привычка, которую ты подцепила в том английском колледже».

«Да ну тебя, нет, конечно! Я подцепила ее от тебя».

Уильям не мог решить, правда это или нет, но спорить не стал.

«Чай - чудесный напиток, и сыр — отличный вариант, если вместе это «пробовать иногда»», — сказал он. — По правде говоря, я знаю, что в холодильнике должно быть пиво, но мне лень ползти за ним, пока я не поел».

Он рассмеялся.

«Теперь-то я знаю! Мне и раньше не хотелось заходить туда... особенно в потемках. Кто знает, что там прячется. Еще руку оттяпает!», — и он схватил Бекки за руку.

Она вовремя увернулась и тоже повеселела.

«Почему ты так живешь, па? Никаких причин для этого нет. Ты говоришь о традициях, но у мамы дом всегда был в порядке и чистоте. Она гордилась им и любила его, а теперь... Спорю, она бы постыдилась и зайти в него сейчас».

«Ну, вот тут ты ошибаешься, мисс умница, со своим английским образованием и колледжем. Я частенько разговариваю с твоей мамой прямо здесь, в этих стенах».

«Я знаю, па, но могу поспорить, что она часто укоризненно качает головой, глядя на то, во что ты превратил этот дом. Утром воняло как из выгребной ямы... пиво, виски, собачье дерьмо и старые гниющие объедки. Меня чуть не вырвало!».

«Прости, Бекки, я знаю, что иногда меня заносит. Хотя стимула все равно уже нет. Правда иногда стараюсь. Наверное просто силы воли больше нет».

«Перебрался бы лучше к нам. Мы всегда тебе рады, и сто раз уже предлагали. Этот дом слишком большой для одного, особенно для такого, как ты. Тебе же никогда не приходилось самому им заниматься. Да и не можешь уже, с твоим ревматизмом, больной спиной и распухшими ногами».

«Тебя послушать, так я гожусь только для живодерни. Я знаю, что и ты, и вы все желаете мне добра, но я не могу покинуть этот дом. Слишком многое связано с ним в моих воспоминаниях и в памяти старушки Кидди. Да и твоя мама останется здесь совсем одна, если я уеду».

«Знаю, пап, ты в это веришь, но мне кажется, что если призраки существуют, а я вполне это допускаю, они могут находиться, где хотят.

Не пристегнуты же они к одному месту».

«Да кто его знает. Люди часто говорят о каком-нибудь месте или доме с привидениями, так ведь? Я не люблю всякие разговоры про привидения и тому подобное, но думаю, что призраки, как и люди, привыкают к одному месту и там и остаются».

«А с чего бы им привыкать к одному месту? Не вижу никакого смысла».

«Ты права, если поразмыслить. Мы физически привязываемся к своим друзьям, семье, к своему бараклу. Если я завтра умру, это не значит, что ты бросишь все и уедешь жить в Зимбабве. И если на эту старую ферму рухнет метеорит, я тоже не брошу все и не перееду в Шотландию.

Такого точно не случится. Я душой прикипел к этому месту. Потому и живу здесь. А если надо ненадолго уехать, всегда возвращаюсь. Как и девяносто процентов остальных. Только странные эмигранты уезжают надолго, да и то большинство из них едут умирать домой. Поверь мне, призраки, или бестелесные создания, поступают точно так же, как и люди во плоти».

«Ты действительно видишь маму и разговариваешь с ней вот как мы с тобой?».

«Мне трудно ответить на этот вопрос, Бекки. Мы с тобой разговаривали этим утром, но ты была спиной ко мне и не видела меня. Но ты же знала, что за тобой стою именно я. Что я могу тебе ответить? Я никогда не видел ее так, как сейчас вижу тебя, и никогда прямо вот так с ней не разговаривал. Я вижу ее как бы мельком. Например, включаю телевизор и слышу ее голос в своей голове».

«Ты видишь маму по телевизору? Такое показывают в кино, но я никогда не слышала, чтобы это бывало в реальной жизни. Ты не выдумываешь?».

«Нет, я вовсе не это хотел сказать! Я вижу ее силуэт в окне, в облаке пара из чайника или в тени нашего дома. И у меня есть своя теория на этот счет. Твоя мама еще не научилась появляться в этом мире, так что я не знаю точно, что именно я вижу. Понимаешь?».

«Не совсем. Если кто умер, то умер, так ведь?».

«Мы так думаем, но никто из нас на самом деле этого не знает. Проще говоря,... никто не может доказать, что знает. Есть такой человек, который утверждает, что он правая рука бога на Земле, но бог не помог

ему доказать это. И все же католические СМИ распространяют его учение по всему миру, как будто это неоспоримая истина. Почему они пользуются успехом в наши дни?».

«Если верить в реинкарнацию, то все мы уже умирали, так что тут нового?».

«Опять же, если существует реинкарнация, то мы уже рождались раньше, но нам все же приходится заново учиться ходить, говорить и вести себя. Может и мертвым приходится заново учиться облекать свою бестелесную сущность в плоть, чтобы являться перед нами. То же самое и с их голосами».

«Тогда почему никто не видит кучу привидений вокруг себя?».

«А может и видят, но не говорят. Христианская церковь очень сильна и в большинстве случаев поддерживает государство, поэтому государство поддерживает церковь. Они поддерживают друг друга, и представители истеблишмента, владеющие прессой и средствами массовой информации, составляют большую часть общества как такового, поэтому все они заступаются друг за друга. Я уверен, что миллионы индийцев каждый день видят призраков и разговаривают с ними. Могу поспорить, что миллионы людей делают это каждый день в каждой стране, но СМИ скорее расскажут о каком-нибудь джихаде или о том, что папа римский поцеловал асфальт. Это заговор, который длится уже много веков или даже больше, как тогда, когда начались гонения на ведьм».

«Ты и в самом деле так думаешь, папа? Звучит немного надуманно, как мне кажется».

«Именно этого они и добиваются! Если можно разрушить твои доводы, высмеивая тебя самого, в не твои доводы, то легко одержать победу. Да, теперь я именно так и думаю, но я совсем недавно пришел к таким выводам. У меня сейчас много времени на раздумья, потому что твоя мать не велит мне покрасить дверь или починить крышу всякий раз, когда я мог бы минут десять передохнуть».

«Мама была не такая!».

«Да как раз такая и была, черт возьми, но теперь ее нет. Ей жилось очень тяжело, и никто из нас не помогал ей в полную силу, так что она заставляла и меня много работать. Пойми, я не говорю, что она была неправа. Мы жили лучше от этого, но она поступала именно так, как я говорю. Поэтому я иногда смывался в пивную, чтобы не сидеть здесь и

не выслушивать вечное ворчание - брал себе отгул на пару часов. Она терпеть не могла, когда кто-нибудь сидит без дела. Старая выучка... тогда это было в порядке вещей. Да я и не жалею. Иногда я зааживал в пивную по вечерам, и мне этого хватало, хотя я бывал там гораздо чаще, чем она знала».

«Кстати, о работе, пожалуй я займусь уборкой дальше. Помою линолеум на кухне и вычищу холодильник, а потом мне надо ехать домой и заниматься собственным домом. Поставь стул к кухонной двери, и мы сможем тем временем поболтать».

«Ладно. Я уже не могу нагибаться для уборки, иначе я просто не разогнусь».

«Ты никогда в жизни не мыл пол, а если бы захотел, то купил бы швабру. Раз уж ты упомянул об этом, сделаю тебе подарок на Рождество!».

«Ты слишком хорошо меня знаешь, Бекки, прямо беда с тобой. Как бы там ни было, у нас с твоей мамой было строгое разделение обязанностей. Я работал на ферме, а она занималась домом».

«Да, а еще садом и травами».

«Ну конечно, все это и есть дом. Где мудрые старухи, ведьмы, о которых я уже говорил, и выращивали свои травы, чтобы все в семье были сильными и здоровыми. Это не мужской шовинизм, они сами так хотели, им нужны были эти травы. Так что учи историю, а потом уж критикуй то, чего не знаешь».

«Ладно-ладно, сдаюсь. Так, с полами закончила, а с приличной шваброй управилась бы в два раза быстрее. Теперь холодильник».

Бекки глянула на отца, перекрестилась и открыла холодильник.

«Боже правый!, - воскликнула она. — Да здесь сам черт ногу сломит!».

«Не преувеличивай, — рассмеялся Вилли. — Передай-ка мне бутылочку пива, остальное оставь там, а все другое выброси, если хочешь».

Что она и сделала.

«Ну а теперь мне пора ехать. Вернусь завтра утром поменять постель и обратиться в гостиную. Чем думаешь заняться днем? Может тебя куда-нибудь подбросить?».

«Дай-ка подумать... Так, что же в моем расписании мероприятий на этот прекрасный летний день?. Эх, дорогая, кажется я его потерял. И

как мне теперь быть? Не могу вспомнить ни одной назначенной встречи. Придется действовать как обычно — пойду с Кидди бродить по холмам, пока не проголодаемся, потом поедем и вернемся домой рассказать маме все, что с нами приключилось на прогулке — сколько кроликов мы видели, сколько змей и сколько людей, которых там никогда нет.

Такой вот план, или подбрось нас до пивной в деревне, а оттуда может кто подбросит нас назад до дома. Муки решений! Никуда от них не деться».

«Смотри сам, папа, но мне надо ехать, и это я знаю точно. Если хочешь, могу завтра захватить с собой твою пенсию, продукты и пиво».

«Хорошо, Бекки. Сегодня мы просто пойдем гулять. А завтра может заглянем в пивную. Спасибо тебе за все труды. Давай я провожу тебя до машины. Передай привет от меня всему семейству. А где мой пес? Кидди! Кидди! Dewch ута — Ко мне!».

Медленно отъезжая от дома, Бекки слышала, как он зовет собаку, и видела отца с его верным псом в зеркале заднего вида. Она думала о том, как долго еще он сможет жить сам по себе в этой глуши.

Когда Бекки уехала, Уильям вернулся в дом, запер заднюю дверь, взял посох из угла, где он обычно хранился, и снял легкую куртку с крючка на входной двери.

«Пока, дорогая Сара. Я ненадолго», — прошептал он и запер за собой дверь

Собака обходилась без поводка — она всю свою жизнь верой и правдой служила Уильяму. Они любили друг друга так сильно, как только могут любить друг друга верный пес и его хозяин. Уильям и Кидди отправились в путь по одному из своих привычных маршрутов, по которому пять лет назад они бы пришли к своим овцам, а теперь лишь к пустым пастбищам. Уильям по привычке посмотрел на небо и решил, что день выдался что надо - уже в третий раз за это утро.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>